ОЛЬГА ФЕДУЛИНА

ДОМ *с камином* и фортепиано

Ингода самое важное
скрыто за закрытой дверью...

Ольга Федулина

Психологический роман

«Автор»
2026

Федулина О. В.

Психологический роман / О. В. Федулина — «Автор», 2026

Дом с камином и фортепиано«Дом с камином и фортепиано» — психологический роман о любви, семье, материнстве и поиске себя.Это история женщины, которая мечтала о настоящем доме, крепкой семье и любви, в которой не нужно заслуживать право быть услышанной и принятой. Встреча двух разных миров, культурные различия, доверие, надежды и разочарования постепенно меняют её представление о семейном счастье.За историей отношений, рождения детей, переездов и строительства дома скрывается более глубокая история — попытка сохранить себя, понять другого человека и найти ответы на вопросы, которые порой страшно задать даже самой себе.Это повествование о силе женщины, её способности любить, созидать, учиться и начинать заново. О том, что настоящий дом строится не только из кирпича, а семейное тепло невозможно создать в одиночку.И о мечте, от которой не стоит отказываться, даже если однажды приходится начинать всё сначала.

© Федулина О. В., 2026
© Автор, 2026

Ольга Федулина
Психологический роман

ДОМ С КАМИНОМ И ФОРТЕПИАНО

Психологический роман – мемуары.

Как выжить и не потерять себя в браке с иностранцем.

-

Посвящается всем женщинам, которые в три часа ночи гуглили «how to survive a marriage to a foreigner?» — и не находили ответа. Этот ответ — внутри вас.

ПРОЛОГ

Дверь, которую я не заметила

Когда я смотрю на фотографии нашей семьи, иногда пытаюсь вспомнить, что чувствовала в те минуты, когда мы улыбались в объектив. Я помню платья, поездки, праздничные столы, детей, прижавшихся друг к другу, и себя — женщину, которая верила, что самое важное в её жизни уже состоялось.

Возможно, со стороны мы действительно выглядели счастливой семьёй. Мы жили в разных культурных мирах, учились понимать друг друга, строили дом, растили детей. В нашей жизни было многое из того, о чём я когда-то мечтала. И я не хочу обесценивать прожитые годы только потому, что со временем многое оказалось не таким, каким представлялось в начале.

Но фотографии не умеют рассказывать всё.

На них не видно разговоров, которые так и не состоялись. Не слышно вопросов, оставшихся без ответа. Не видно женщины, которая сидит на краю кровати и пытается вспомнить, когда близкий человек перестал её слышать. Когда двое ещё живут под одной крышей, вместе растят детей, строят планы, но всё чаще чувствуют себя чужими.

Я долго пыталась понять, что произошло с нашей семьёй. Искала ответы в разговорах, книгах, собственных воспоминаниях. Мне хотелось разобраться не только в другом человеке, но и в себе. Почему я так упорно держалась за то, что считала семьёй? Почему продолжала верить обещаниям, даже когда поступки заставляли сомневаться? Почему мне было так важно получить понимание и признание именно от человека, с которым я хотела разделить жизнь?

Я не считаю себя жертвой. Я обычная русская женщина, выросшая в определённое время и в определённой семье, со своими представлениями о любви, верности и доме. Я умела работать, принимать решения, добиваться своего. Не боялась начинать сначала. Но в отношениях

долго верила: если любишь, нужно потерпеть, постараться ещё немного, найти правильные слова — и, возможно, всё наладится.

Мне понадобилось время, чтобы понять: стараться за двоих невозможно. Можно многое простить, многое объяснить, многое взять на себя. Но нельзя одному человеку создать близость, для которой нужны двое. Нельзя заставить другого быть откровенным, а бесконечным терпением добиться того, что должно идти от сердца.

Я не пишу эту историю ради обвинений. Мне важно рассказать, как всё выглядело с моей стороны: что я видела, чему верила, чего не замечала и что понимала далеко не сразу. У каждого человека есть своё прошлое и собственное представление о жизни. Но, как бы ни различались наши взгляды, однажды приходится честно посмотреть на то, что происходит между нами, — даже если правда не совпадает с надеждами.

Моя история началась задолго до брака с иностранцем. Она началась с девочки, которая мечтала о крепкой семье, продолжилась жизнью молодой женщины, которая искала своё место в мире, и стала историей матери, строившей будущее для детей. И только спустя годы я смогла задать себе вопрос, от которого прежде отворачивалась: пока я старалась сохранить всё, что было мне дорого, оставалось ли в этой жизни место для меня самой?

Я мечтала о доме с камином и фортепиано. Не просто о красивом доме, который можно показать гостям, и не о вещах, которыми можно гордиться. Мне хотелось пространства, где можно быть собой, где тебя ждут не за выполненные обязанности, а потому, что ты есть. Где не приходится угадывать чужое настроение, добиваться разговора или искать подтверждение тому, что ты по-прежнему важна.

Эта мечта не исчезла. Изменилось другое: теперь я иначе понимаю, что именно хотела в ней обрести.

Я расскажу о своей жизни такой, какой помню и понимаю её сегодня. В ней были любовь и радость, надежды и ошибки, решения, за которые я отвечала сама. Были моменты, которыми я дорожу, и события, к которым непросто возвращаться. Я не хочу изображать себя безошибочной и не собираюсь доказывать, что во всём была права. Мне важнее разобраться, как я пришла к той жизни, которую однажды перестала узнавать, и что помогло мне двигаться дальше.

Возможно, кто-то узнает в этой истории знакомые чувства. Кто-то увидит в ней совсем другую судьбу. А для меня это возможность вернуться к собственному прошлому и наконец рассказать о нём не только через то, что со мной происходило, но и через то, что я сама тогда чувствовала, думала и выбирала.

Я всё ещё верю в любовь. Не в идеальную и не сказочную, а в ту, в которой есть взаимность, честность и уважение. В любовь, которой не нужно постоянно доказывать право на существование.

Когда-то мне казалось, что главное — построить дом и сохранить семью. Теперь я знаю, что стены, общие воспоминания и даже самые искренние намерения не отвечают на все вопросы.

А дверь, которую я не заметила, возможно, всё это время находилась ближе, чем я думала.

ЧАСТЬ I
Девочка, которая выбрала отца.

Глава 1. Детство.

Я родилась в небольшом городе в Татарстане, на берегу реки. В те годы он рос вокруг огромного автомобильного завода, который давал людям работу и задавал ритм жизни. Заводской гудок, смены, возвращение домой — всё было частью привычного порядка. Люди получали жильё, растили детей, создавали семьи и верили, что будущее можно устроить собственными руками.

Мои родители приехали с Урала после окончания института, чтобы участвовать в строительстве нового автомобильного гиганта. Они были молодыми, полными сил и надежд. В стране строили заводы и новые города, и казалось, что впереди открывается много возможностей.

К тому времени у родителей уже была старшая дочь — моя сестра. Долгожданная, любимая, окружённая заботой молодой семьи. А потом родилась я.

Моё детство трудно назвать беззаботным. Правда, тогда я не знала, каким оно должно быть. Я просто жила в своей семье и привыкала к тому, как она была устроена.

Отец то появлялся в нашей жизни, то исчезал из неё. Пока он не пил, работал и мог обеспечивать семью, всё более или менее держалось. Но стоило ему уйти в запой, как мама выгоняла его из дома. Она забирала ключи, закрывала дверь, и отец уходил — к брату, друзьям, в общежитие, куда угодно.

Для мамы это, вероятно, было способом защитить себя и детей от того, с чем она больше не могла мириться. Сейчас я могу понять её решение. Но маленькая девочка видела происходящее иначе. Для неё отец был не человеком, от которого нужно защищать семью. Он был папой. И каждый раз, когда за ним закрывалась дверь, мне казалось, что вместе с ним исчезает что-то очень важное.

Я не помню тихих семейных вечеров, когда мы все сидели за столом и разговаривали. Не помню, чтобы отец читал мне книжки перед сном или чтобы мы часто куда-нибудь ходили всей семьёй. Возможно, такие моменты всё-таки были, но в моей памяти их осталось мало.

Зато я хорошо помню чувство его отсутствия. Отец словно находился где-то за пределами нашей жизни: он существовал, иногда был рядом, но я не могла быть уверена, что он останется.

И постепенно во мне поселилось желание что-то изменить. Я не умела объяснить его словами, но чувствовала: нужно быть хорошей, нужно быть нужной, нужно помочь папе. Может быть, тогда он вернётся и больше не уйдёт.

Моя сестра была старше меня на несколько лет. Когда она ходила в школу, я ещё посещала детский сад. Когда я сама пошла в школу, она уже поступила в институт и уехала на Урал. Мы почти не успели пожить рядом как две взрослеющие девочки, которые делятся секретами, поддерживают друг друга и вместе открывают мир.

Сестру считали самой умной, самой достойной, той, перед которой открыты все дороги. Я не спорила с этим и не пыталась занять её место. Я была младшей: наблюдала, шла следом, донашивала вещи за старшей. Возможно, уже тогда привыкала не слишком настойчиво заявлять о собственных желаниях.

История нашей семьи уходила далеко за пределы моего детства. В ней были потери, непростые решения и люди, которым приходилось выбирать между личным счастьем и тем, что они считали своим долгом.

Моя бабушка по маминой линии была замужем за мужчиной, который погиб на войне. После его смерти на её руках осталось трое детей. Позже, работая на заводе, она познакомилась с другим мужчиной и родила от него мою маму.

Старшие сыновья, дети от погибшего мужа, не приняли нового человека в жизни матери. Они поставили её перед выбором: либо они, либо её личное счастье. В какой-то момент даже сбежали из дома и уехали на поезде, словно хотели заставить её доказать, кого она любит больше.

Бабушка выбрала детей.

Так моя мама росла без отца. А я росла в семье, где отец тоже не мог постоянно оставаться рядом. Это были разные судьбы, и я не могу утверждать, что одна непременно привела к другой. Но сегодня, вспоминая семейные истории, я замечаю, сколько в них было разлук, потерь и попыток удержать близких ценой собственных желаний.

В семейной памяти сохранилась и другая трагедия. Отец моей бабушки, священник, которого, по рассказам родных, знали и уважали в городе и приходе, подвергся репрессиям в тридцатые годы и был убит. Я не знала всех обстоятельств этой истории и не могла представить, что пережили люди той эпохи. Но понимала: это тяжёлая потеря, о которой помнили даже спустя годы.

О семье отца я знала меньше. Мне рассказывали, что его отец был финном, после войны перебрался в Советский Союз, сменил имя и женился на моей бабушке. Так в нашей семье переплелись разные судьбы и происхождение. Я не выбирала эту историю, но она тоже была частью моего прошлого.

В детстве мама часто возила нас на Урал, к своей матери. Ей было тяжело справляться со всем одной: две дочери, муж, который не мог постоянно оставаться рядом, домашние заботы и собственные переживания. Ей нужна была поддержка, и она ехала туда, где её ждали.

Бабушка умела принимать нас без лишних слов. Кормила, обнимала, заботилась, готовила к нашему приезду небольшие подарки. Она не устраивала долгих разговоров о чувствах и не пыталась объяснить, как устроена жизнь. Просто была рядом.

Сейчас я понимаю, как много может значить такое присутствие. Когда тебе рады, когда о тебе позаботились, когда не нужно объяснять, почему ты устала или расстроена. Рядом с бабушкой я могла почувствовать тепло, которого мне так не хватало в повседневной жизни.

С папиной мамой я общалась реже. Мне казалось, что у неё были любимчики среди других внуков — детей моих тёток. Я чувствовала себя не той, кого выбирают первой. Не знаю, замечала ли бабушка эту разницу и думала ли о ней вообще. Я могу говорить только о своих детских ощущениях: кому-то, как мне казалось, доставалось больше внимания, а мне оставалось принимать то, что есть.

Возможно, поэтому я особенно ценила моменты, когда чувствовала себя нужной. Мне хотелось быть хорошей, не доставлять лишних хлопот, заслуживать расположение близких. Тогда я не задумывалась, откуда берётся это желание. Просто старалась вести себя так, чтобы меня любили.

В детстве у меня было немного подруг, но я не особенно страдала от одиночества. У меня существовал собственный мир, в который я могла уходить, когда действительность не отвечала моим ожиданиям. Я фантазировала о будущем, представляла, где буду жить, каким станет мой дом, кто окажется рядом со мной.

В моих мечтах дом был совсем не таким, как тот мир, в котором я росла. В нём было спокойно. Взрослые не исчезали из жизни друг друга, семейные вечера не заканчивались чьим-то уходом, а близкие могли разговаривать и слышать друг друга.

Мне хотелось, чтобы дома всегда было тепло. Не только от уютной обстановки, но и от того, как люди относятся друг к другу. Чтобы можно было делиться переживаниями, не боясь

остаться непонятой. Чтобы не приходилось угадывать чужое настроение или стараться быть удобной, лишь бы тебя не отвергли.

Я представляла семью, в которой меня любят не за помощь, не за хорошие поступки и не за способность справляться с трудностями. Просто потому, что я есть.

Тогда я не понимала, почему так часто возвращаюсь к этим фантазиям. Казалось, я просто мечтаю, как мечтают многие дети. Лишь спустя годы я увидела в них не только желание красивой жизни. Мне хотелось обрести постоянство — быть уверенной, что близкие не исчезнут однажды за закрытой дверью.

Мне было около шести лет, когда я особенно остро чувствовала, что мама может снова выгнать отца. Не навсегда — по крайней мере, я так этого не понимала. Он уходил на время, а потом мог вернуться. Но каждый такой уход означал, что наша семья опять распадается на части. Я не знала, когда мы снова будем вместе и будет ли это вообще.

Я бегала к отцу в общежитие. Хотела узнать, как он живёт, на какой койке спит, что делает, как у него дела. Мне было важно увидеть его своими глазами, побыть рядом, убедиться, что он всё ещё есть в моей жизни.

Я не помню, о чём именно мы говорили. Зато помню, как бежала к нему через двор, мимо домов и деревьев, которые в детстве казались огромными, перебегала дорогу и торопилась туда, где находился папа.

Мне казалось, что ему плохо и одиноко и что я могу чем-то помочь. Я не понимала, что его жизнь и решения не зависят от меня. Просто хотела, чтобы он вернулся домой, чтобы мама больше не выгоняла его, а он не уходил.

Пусть это был не тот отец, который каждый вечер возвращается домой. Пусть я могла видеть его только время от времени. Мне было достаточно знать, что он где-то рядом и что я могу до него добраться.

Я чувствовала его любовь и привязанность ко мне — по крайней мере, именно так воспринимала его отношение тогда. Когда он дарил мне что-нибудь, например ранец или платье, я испытывала особенную гордость.

У меня есть папа. Он помнит обо мне. Он что-то для меня делает. Я не одна.

Для взрослого человека подарок может быть всего лишь вещью. Для ребёнка он иногда значит гораздо больше. Мне эти подарки напоминали, что между нами есть связь, которую я так боялась потерять. Я держалась за такие подтверждения, потому что хотела верить: даже если отец снова уйдёт, он всё равно меня любит.

Теперь, оглядываясь назад, я вижу, как много места в моей детской жизни занимала тревога за отца. Я хотела, чтобы ему было лучше, чтобы он не оставался один, чтобы он вернулся. Мне казалось, что если я буду рядом, если стану хорошей, если смогу его поддержать, то, возможно, что-то изменится.

Я не выбирала эту роль сознательно. Я была ребёнком, который хотел видеть родителей вместе. Мне хотелось обычной семьи, где мама и папа живут рядом, а детям не нужно думать, как предотвратить очередной уход.

Наверное, я верила, что от моих стараний зависит гораздо больше, чем на самом деле. Если я помогу отцу, он не пропадёт. Если буду хорошей, родители останутся вместе. Если постараюсь ещё немного, всё наладится.

Тогда я не могла знать, что любовь дочери не способна решить проблемы взрослого человека. Я просто любила своего папу и хотела, чтобы он был рядом.

Эта детская надежда осталась со мной надолго. Я привыкла стараться понять другого, поддержать, не отступать, даже когда становилось трудно. Мне казалось, что терпение и забота

могут многое исправить. Я ещё не знала, где проходит граница между желанием помочь близкому и ответственностью за его решения.

Но та девочка не была виновата в том, что надеялась. Она любила отца, скучала по нему и искала способ сохранить связь. Она придумывала будущее, в котором близкие остаются рядом, и верила, что однажды всё сложится иначе.

Я не хочу вспоминать её только с сожалением. В ней было много доверия, нежности и желания любить. Она не знала, что впереди, и не могла предугадать, как детские надежды повлияют на её взрослую жизнь.

Она просто хотела, чтобы дома её ждали.

И, наверное, именно с этого желания и началась моя мечта о собственной семье.

Глава 2. Взросление за одну ночь.

Я училась на первом курсе политехнического института. Была старостой, любила жизнь, людей и любые события, в которых можно было участвовать, что-то придумывать и организовывать. Мне нравилось брать инициативу на себя, объединять вокруг себя тех, с кем совпадали интересы и взгляды. Ещё в старших классах, на летнем слёте активных ребят, я научилась справляться со своей замкнутостью и неуверенностью. Постепенно стала свободнее чувствовать себя среди незнакомых людей, перестала теряться в шуме и общей суете.

Со стороны я казалась активной, общительной, уверенной в себе девушкой. Мне нравилось быть впереди, придумывать новое, вести за собой других. В этой части жизни многое получалось легко.

Дома всё было иначе.

Мама и папа снова сходились, потом расходились, а между ними по-прежнему оставалась я. В детстве я постоянно бегала в соседний район к отцу, надеясь, что смогу хоть как-то вернуть его в нашу жизнь. Когда родители в очередной раз сошлись, мне казалось, что теперь всё наконец наладится. Папа будет рядом, поможет нам, станет участвовать в нашей жизни, поддерживать в учёбе. Мы снова будем семьёй.

Мне очень хотелось верить в эту возможность. Ради неё я старалась не замечать того, что раз за разом разрушало наши надежды: отцовские срывы, запои, очередные уходы. Мама принимала его обратно, но её терпения надолго не хватало. После очередного запоя отец снова оказывался за пределами семьи. Иногда он жил у старшего брата, который тоже любил выпить. Два брата, две непростые судьбы, похожие способы уходить от реальности.

Я видела, что происходит, но не понимала, как это изменить. Мне хотелось верить, что достаточно любви, терпения и участия, чтобы человек вернулся к себе. Если близкому плохо, нельзя просто отойти в сторону. Нужно что-то делать, оставаться рядом, искать выход. Даже если уже не знаешь, чем можешь помочь.

В тот раз отец ушёл внезапно. Не было ни собранных сумок, ни долгих прощаний, ни привычной картины человека, который забирает свои вещи и закрывает за собой дверь. Он просто исчез из квартиры.

Дома осталась его библиотека.

Папа собирал книги десятилетиями, бережно относился к каждой и дорожил ими. В те времена приобрести книгу было непросто, зато существовала система, позволявшая обменивать сданную макулатуру на талоны, а затем получать по ним отдельные издания или целые книжные серии. Так, книга за книгой, постепенно собралась большая библиотека. Он собирал её ещё со студенческих времён.

Это были не просто книги на полках. В них заключалась часть его жизни, его интересов, его внутреннего мира. Они были его гордостью и отдушиной.

И вот он ушёл, оставив всё это в квартире у мамы.

Почему не забрал? Не смог, не успел, не захотел? Да и куда бы он смог перетащить такую огромную библиотеку, если у него самого не было постоянного пристанища? Но мне было особенно горько видеть, что человек, который столько лет собирал свой мир по одной книге, оставил его позади.

Я продолжала ходить к отцу туда, где он жил, приносила необходимые вещи, старалась поддержать его. Мне казалось, что, кроме меня, ему рассчитывать не на кого. Сестра была на стороне матери и поддерживала её. А я видела ситуацию иначе: мама казалась мне слишком строгой, порой даже жестокой, тогда как отца хотелось защитить.

Его слабости не исчезали из-за моей любви, но именно любовь мешала мне отстраниться и посмотреть на происходящее со стороны.

Мне казалось, что я понимаю папу лучше, чем маму. Возможно, потому, что его боль была заметнее для меня, а её собственная оставалась за пределами моего внимания. Я видела человека, который падал, и хотела подставить плечо. Мне было труднее увидеть, что рядом с ним находился другой человек, тоже уставший от многолетней борьбы. Моя мама.

Однажды ночью она подошла ко мне.

Я не помню, который был час. В памяти остался её голос — тихий и твёрдый. В нём не было той мягкости, на которую я всё ещё надеялась.

— Мне не нужны предатели дома, — сказала мама. — Если тебя что-то не устраивает, можешь уйти к отцу.

Эти слова не стали началом долгого спора. Я не пыталась переубедить её, не стала просить взять сказанное обратно. Утром собрала учебники и лекции для института и вышла из дома.

Больше я туда не вернулась.

В квартире осталось моё детство: игрушки, привычные вещи, мой уголок в общей спальне, письменный стол, который достался мне от сестры. Отдельной комнаты у меня никогда не было, но этот маленький уголок был моим пространством, местом, где хранилась моя жизнь.

Там осталась и та девочка, которая всё ещё верила, что семья — это навсегда. Что взрослые могут ссориться, расходиться, ошибаться, но в конце концов всё равно найдут дорогу друг к другу.

Мне было восемнадцать. Возраст, когда многие только начинают выбирать профессию, строить планы, узнавать себя и мир. Мне предстояло учиться, влюбляться, ошибаться, пробовать новое. Но вместо этого пришлось решать, с кем жить и какую часть своей семьи потерять.

Я выбрала отца.

Тогда мне казалось, что это решение сделает меня сильнее. И действительно, во мне словно что-то затвердело. Мягкость уступила место броне — не сразу заметной, но прочной. Она помогала выдерживать трудности, не показывать растерянность, двигаться дальше, когда хотелось остановиться.

Только у любой брони есть обратная сторона. Она защищает не только от боли, но и от близости. Со временем становится трудно признаться, что тебе страшно, что ты устала, что сама нуждаешься в чьей-то поддержке.

Тогда я ещё не знала, насколько надолго этот способ жить останется со мной.

Мы с отцом вместе начали снимать жильё. Сначала это была небольшая комната с тесным пространством и обоями, которые отходили от стен. Потом появилась квартира, следующая. Затем мы переехали в жильё побольше, но и оно было чужим. За ним последовали другие адреса, новые переезды, очередные попытки устроиться.

Мы меняли не только квартиры. Каждый переезд напоминал о том, чего у нас не было: постоянства, надёжного дома, привычного семейного уклада. Всё время приходилось начинать заново. Вместо дома, о котором я мечтала с детства, была череда временных пристанищ.

Денег часто не хватало. Возможности были ограничены, будущее казалось неопределённым. Но мы оставались рядом. Нас связывали родство, любовь и общая уязвимость: каждый из нас знал, что другой тоже может не справиться.

Мы держались друг за друга, словно боялись, что, отпустив, потеряем последнюю опору. Эта связь помогала выживать, но в ней было слишком много ответственности и слишком мало свободы. Я была дочерью, однако постепенно занимала место человека, который должен следить, чтобы отец не пропал окончательно. Его жизнь всё сильнее влияла на мою, а собственные планы нередко отходили на второй план.

Между тем отношения с мамой становились всё сложнее. Она обращалась в суды, пыталась взыскать прежние заработки отца и оспаривала то, что у нас оставалось. Почти единственным заметным имуществом была машина, которую отец приобрёл на неофициальные заработки и оформил на меня, рассчитывая, что со временем она станет вложением в моё будущее.

На тот момент мне казалось, что мама хочет отнять у нас даже это. Я связывала её действия с обидой из-за моего выбора: я не осталась с ней, а ушла к отцу. В моём восприятии происходящее выглядело продолжением того самого разговора, после которого я покинула дом. Тогда я не могла отделить имущественные споры от семейной боли. Мне хотелось, чтобы мама увидела во мне не предателя, а дочь, которая просто не смогла оставить отца одного.

Сегодня я не хочу судить её так, как судила тогда. Взрослые отношения редко складываются из одной причины, а за поступками каждого человека может стоять своя история. Но в восемнадцать лет мне было трудно увидеть что-либо за пределами собственной боли. Я чувствовала себя отвергнутой и не понимала, как можно продолжать борьбу с человеком, который и без того едва держится на ногах.

Особенно тяжело было оттого, что внешне мама никак не показывала происходящего. На работе и при соседях она улыбалась, говорила, что у нас всё хорошо, словно в семье не было никаких проблем. Возможно, ей не хотелось, чтобы окружающие узнали о наших трудностях. Для меня же это выглядело так, будто реальность, в которой я жила, вообще не существовала. Внутри семьи всё рушилось, а снаружи сохранялась видимость благополучия.

Я хотела, чтобы кто-нибудь наконец услышал меня. Чтобы стало понятно: я не предавала маму, не пыталась причинить ей боль, не выбирала одну сторону ради того, чтобы наказать другую. Я просто хотела, чтобы у нас была семья, в которой не нужно было постоянно выбирать, кого любить и кого спасать.

Но объяснить это тогда я не умела.

Ещё до ухода из дома произошёл эпизод, который оставил глубокий след. Мне было шестнадцать, когда я, не выдержав происходившего дома, попыталась покончить с собой, приняв большое количество психотропных таблеток. Тогда я не видела выхода из ситуации, в которой жила.

Заметив моё необычное состояние, мама не сразу согласилась вызвать скорую помощь. По моим воспоминаниям, она опасалась, что подумают соседи и что случившееся станет пятном на репутации семьи. Отец отодвинул её и вызвал скорую.

Он спас мне жизнь.

Для меня этот поступок стал важной точкой в отношениях с ним. В памяти он остался человеком, который в решающий момент поставил мою жизнь выше всего остального. После этого мне было ещё труднее отдалиться от отца и ещё сложнее находить общий язык с мамой. Я не чувствовала от неё того сочувствия и принятия, которых так ждала, и постепенно перестала делиться с ней тем, что происходило внутри.

Молчание стало привычным способом справляться с болью. Если меня не слышат, проще ничего не объяснять. Если объяснения не меняют ситуацию, лучше не тратить на них силы. Так между мной и мамой росла дистанция, которую со временем оказалось непросто преодолеть.

В институте по-прежнему всё выглядело благополучно. Я оставалась старостой, участвовала в делах группы, организовывала мероприятия, общалась с людьми. Снаружи была та же активная девушка, которой легко удавалось вести за собой других. Внутри же царил хаос. Можно было смеяться вместе со всеми, обсуждать занятия, строить планы на ближайшие дни — и при этом совершенно не понимать, что делать с собственной жизнью.

В этот период появились новые знакомые, а вместе с ними — другой круг общения. Мне казалось, что эти люди готовы поддержать меня в непростой ситуации. Они слушали, не осуждали, говорили, что я сильная и справлюсь, а если не получится, они помогут.

В их словах было то, чего мне давно не хватало: ощущение, что я не одна. Что рядом есть люди, которым не нужно доказывать свою полезность, чтобы заслужить внимание. Им не требовалось, чтобы я была хорошей дочерью, ответственной старостой или человеком, который всегда знает, что делать. По крайней мере, тогда мне казалось, что они видят во мне просто человека, которому тоже бывает тяжело.

Мне хотелось удержать это чувство. После долгого одиночества любое участие могло показаться спасением, особенно если оно обещало возможность хотя бы ненадолго забыть о происходящем дома.

Так в моей жизни появились запрещённые вещества. Всё началось с прочтения книги о героине. Я читала её, не предполагая, что эта тема однажды коснётся и моей собственной биографии.

Постепенно меня увлекла мысль о других состояниях, о возможности попасть в другие миры, где привычная боль будто перестаёт существовать. Там не было бесконечных семейных конфликтов, отцовского пьянства, ощущения, что тебя отвергли. Хотя бы на какое-то время можно было не думать о том, что происходит вокруг, и не чувствовать прежнюю тяжесть.

Тогда это казалось выходом. Но облегчение оказалось обманчивым. То, что обещало свободу, постепенно превращалось в зависимость; то, что позволяло забыться, забирало способность распоряжаться собственной жизнью. Вместо освобождения приходило новое пленение, и выбраться из него было гораздо труднее, чем казалось вначале.

Отец продолжал пить и общаться с людьми, которых я плохо знала и которым не могла доверять. Мы оказывались в ситуациях, где было небезопасно находиться. Жили вместе, но каждый всё глубже уходил в собственную реальность. Иногда он не работал, иногда я пропускала учёбу. Наша повседневность становилась всё менее устойчивой, а граница между обычной жизнью и опасностью постепенно стиралась.

Мы оба теряли себя, хотя каждый по-своему.

В какой-то момент стало ясно: так продолжаться не может. Если ничего не изменится, мы рискуем потерять не только здоровье и привычный уклад, но и саму возможность жить иначе. За нашими поступками ещё оставались люди, которыми мы когда-то были: девочка, которая бегала к отцу и мечтала вернуть семью, и мужчина, который когда-то собирал книги, дорожил ими и имел собственный внутренний мир.

Отец всё глубже погружался в алкогольную зависимость, а я всё чаще срывалась в наркотическую. Мы оказались в замкнутом круге, где один нуждался в помощи другого, а затем роли менялись. Иногда я пыталась привести отца в чувство, когда сама оставалась трезвой. Иногда он спасал меня, когда моя жизнь оказывалась под угрозой из-за передозировки.

Это было страшное и противоречивое время. Мы любили друг друга, но одной любви было недостаточно, чтобы защитить нас от последствий наших поступков. И всё же между нами сохранялась связь, которая не позволяла окончательно отказаться друг от друга.

Постепенно нам удалось выбраться из самого тяжёлого периода. Я прошла курс реабилитации и очищения, отец закодировался от алкоголизма. Не могу назвать один конкретный момент, когда всё изменилось, или сказать, что нас спасло что-то одно. Возможно, сыграли роль страх, привязанность, усталость от происходящего, желание жить. Возможно, всё это вме-

сте. Важно другое: мы оба получили возможность начать выбираться из того, что едва не разрушило нас.

Но воспоминания о наших отношениях начались задолго до этого периода.

В детстве, когда отец жил то у брата, то в общежитии, мы ходили с ним к озеру. Я приходила к нему, и эти прогулки остались в моей памяти отдельными, живыми картинами. Я помню не только сами походы, но и то, как слушала папу, когда он делился своими переживаниями. Мне хотелось утешить его, найти нужные слова, убедить, что всё наладится. Я была ребёнком, но уже пыталась помочь взрослому человеку справиться с тем, что было ему не по силам.

— Папа, всё будет хорошо. Мы справимся. Я с тобой.

Эти слова появились в моей жизни задолго до того, как я стала взрослой. В детстве я тоже хотела успокоить отца, удержать его рядом, поверить вместе с ним, что впереди всё может быть иначе.

Возможно, именно поэтому мне так трудно отделить любовь к нему от желания его спасти. Я привыкла переживать за папу, искать способы помочь, чувствовать себя нужной. Даже когда сама нуждалась в поддержке, мне было естественнее заботиться о нём, чем говорить о собственной боли.

Восемь лет, десять, восемнадцать — годы менялись, менялись обстоятельства и адреса, но мне снова и снова приходилось брать на себя больше, чем я могла вынести. Я умела выслушивать, успокаивать, искать выход, брать ответственность. Но почти не знала, как выглядит ситуация, в которой можно просто признаться в собственной слабости и позволить другому позаботиться о тебе.

В моём городе была сестра со своей жизнью. Была мама, с которой отношения оставались болезненными и далёкими. Был отец, которому требовалась помощь. И была я — девушка, которая пыталась одновременно справиться с собой и удержать на плаву близкого человека.

Мы пережили этот период. В каком-то смысле нам действительно удалось вытащить друг друга. Но это не означало, что все прежние трудности исчезли или что мы сразу научились жить по-другому. Мы просто вышли из самой опасной части нашей общей истории и получили шанс двигаться дальше.

Со временем каждому потребовалось собственное пространство. Отцу — возможность строить жизнь без постоянной опеки дочери, мне — право перестать быть ответственной за всё, что с ним происходит.

Я начала встречаться с молодым человеком и ушла от отца. Мы стали снимать квартиру, и я постепенно пробовала выстраивать собственное будущее. Это был важный шаг: впервые за долгое время жизнь должна была принадлежать не только заботе о другом человеке, но и моим собственным желаниям.

Мне хотелось обычного человеческого счастья. Любви, взаимности, семьи, надёжности. Хотелось отношений, в которых близость не превращается в бесконечное спасение, где можно быть рядом не потому, что без тебя другой пропадёт, а потому, что вы оба хотите быть вместе.

Я верила, что теперь всё может сложиться иначе. Казалось, самое тяжёлое осталось позади и теперь можно будет строить жизнь, не оглядываясь постоянно на прошлое.

Но пережитое не исчезает только потому, что обстоятельства меняются.

Я хорошо умела выдерживать трудности, действовать в кризисе, не отступать, когда другому плохо. Но мне ещё предстояло понять, почему так трудно попросить о помощи, довериться, принять заботу без чувства долга. Я привыкла отдавать и не всегда замечала, что сама тоже имею право получать.

Со мной было именно так. Я научилась быть сильной, когда рядом кто-то нуждался в опоре. Но мне ещё предстояло узнать, что отношения не должны держаться на постоянном напряжении одного человека. Любовь не требует, чтобы кто-то всё время спасал, а другой всё

время нуждался в спасении. В ней должно оставаться место для взаимности, свободы и права каждого быть не только сильным, но и уязвимым.

Мы с отцом прошли через очень тяжёлые испытания. Эта история навсегда останется частью моей жизни — не только как память о боли, но и как свидетельство того, что даже из разрушительного периода иногда удаётся выйти. Мы помогли друг другу выжить, и я не хочу обесценивать эту связь.

Но со временем мне пришлось учиться различать любовь и ответственность за чужую судьбу. Это оказалось непросто: одно долго существовало для меня почти неотделимо от другого.

В языке йоруба есть слово *ìfaradà*, связанное с терпением и стойкостью, со способностью выдерживать трудности. Для меня оно не означает безмолвно переносить любую боль или бесконечно терпеть то, что разрушает. Скорее, напоминает о внутренней силе, которая помогает пройти через тяжёлое время и не потерять возможность двигаться дальше.

С восемнадцати лет я несла ответственность, к которой не была готова, пыталась удержать отца, справлялась с собственными потерями и постепенно искала дорогу к самостоятельной жизни. Я не всегда выбирала правильно, не всегда понимала, что со мной происходит, и не всегда могла защитить себя. Но продолжала идти.

Тогда мне казалось, что взросление — это умение выдержать всё, что выпало на твою долю. Позже я стала понимать: одной стойкости недостаточно. Нужно ещё научиться замечать собственные желания, принимать помощь и не путать любовь с обязанностью проживать чужую жизнь вместо другого человека.

Мне предстояло ещё многое узнать о любви, доверии и семье. Но теперь у меня была собственная дорога. И впервые за долгое время я могла попробовать пройти её сама.

Глава 3. Беременна впервые.

Мне было двадцать пять лет, когда я узнала, что беременна.

К тому времени жизнь уже успела пройти через несколько крутых поворотов. После долгих лет съёмных комнат, переездов и нестабильности мы с отцом смогли купить собственное жильё. Я к тому времени уже рассталась со своим парнем, а папа перестал пить. Это была небольшая квартира в центре города, требовавшая серьёзного ремонта, но для нас она означала гораздо больше, чем просто стены и квадратные метры.

Впервые за долгое время не нужно было думать, куда переезжать дальше и сколько ещё удастся прожить на очередном съёмном месте. Квартира была нашей. Мы могли обустраивать её под себя, вкладывать силы в ремонт, планировать будущее, не опасаясь, что однажды снова придётся собирать вещи.

После всего пережитого это казалось настоящей победой. Негромкой, без торжественных слов, — просто возможностью наконец немного выдохнуть. У нас появилось место, которое не нужно было покидать по чужой воле. Пусть там пока не хватало уюта и многое предстояло переделать, зато впервые за долгие годы появилась опора.

С мамой мы по-прежнему не общались. Разрыв оставался болезненным, и я не знала, как к нему подступиться. Жизнь шла дальше: я строила планы, работала, пыталась устраивать собственное будущее. Но между нами по-прежнему оставалось то, что когда-то произошло и так и не было проговорено.

В то время я встречалась с новым молодым человеком. Он был юристом — умным, перспективным, уверенным в себе. Казалось, он принадлежал к совершенно другой жизни, не той, в которой я привыкла выживать, заботиться об отце и приспосабливаться к очередным трудностям. Рядом с ним можно было представить будущее, где многое заранее продумано, где есть понятный план и уверенность в завтрашнем дне.

Он красиво говорил, обещал многое, и я верила ему. Наверное, мне хотелось не просто влюбиться, а наконец оказаться в той жизни, о которой я мечтала с детства: любимый человек, собственная семья, общие планы и ощущение, что больше не придётся всё тянуть на себе.

Мы собирались переехать в Москву. Строили грандиозные планы, представляли, как начнётся наша новая жизнь и сколько перед нами откроется возможностей. Москва виделась не только другим городом, но и началом перемен. Мне казалось, что там всё может сложиться иначе, прошлое постепенно останется позади, а впереди будет то самое счастье, к которому я так долго шла.

В воображении я уже жила этой будущей жизнью. Представляла прогулки по Красной площади, новые улицы, впечатления, разговоры о планах. Видела, как мы идём рядом, держимся за руки, смеёмся. В этих картинах не было ничего необычного. Мне хотелось простого человеческого счастья — быть любимой, чувствовать себя в безопасности, знать, что рядом есть человек, с которым можно разделить и радость, и трудности.

Я так хотела верить в наше будущее, что почти не оставляла места сомнениям.

А потом выяснилось, что мужчина, с которым я собиралась строить семью, женат. Не в разводе, как он мне говорил, а до сих пор женат.

Правда открылась после разговора и знакомства с его мамой и женой. В одно мгновение всё, что я представляла, оказалось под вопросом. Передо мной была реальность, которую невозможно было объяснить недоразумением или случайностью. У человека, с которым я связывала своё будущее, существовала другая жизнь — та, о которой я не знала и частью которой не собиралась становиться.

Я помню себя в коридоре. Помню, как смотрела на собственные руки и будто переставала чувствовать своё тело. События происходили вокруг, но внутри всё словно замерло. Хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю, оказаться где угодно, только не там, где рушилось то, во что я верила.

Это был не просто конец отношений. Вместе с ними рассыпалась целая картина будущего, которую я успела сделать почти осязаемой. Я уже мысленно переехала в Москву, уже представляла нашу семью, уже позволила себе поверить, что теперь всё будет по-другому.

И вдруг пришлось вернуться в собственную реальность — к отцу, к квартире, к неопределённости и к вопросу, на который у меня не было ответа: что делать дальше?

Я сидела в квартире, которую мы с отцом вместе купили и отремонтировали, и плакала. Вокруг были знакомые стены, вещи, результаты наших усилий. Мы сумели выбраться из прежнего хаоса, обрести собственное жильё, пережить тяжёлые годы. Но теперь я сама оказалась перед испытанием, к которому совершенно не была готова.

Я была беременна.

И это было самое важное обстоятельство, которое нельзя было отменить вместе с рухнувшими планами.

Беременность сама по себе не была бедой. Боль заключалась в другом: я представляла себе совершенно иное начало материнства. Мне хотелось, чтобы рядом был любящий мужчина, чтобы ребёнок появился в семье, где его ждут оба родителя, где решения принимают вместе и есть уверенность в завтрашнем дне. Я мечтала не просто о ребёнке, а о семье, которую хотела создать с любимым человеком.

Теперь всё это оказалось под угрозой. Впереди были рождение малыша, ответственность, расходы, неизвестность. Я не понимала, как справиться со всем одной.

Позже я стала замечать, насколько сильно могу привязаться не только к человеку, но и к будущему, которое представляю рядом с ним. Кажется, стоит встретить подходящего мужчину, переехать в другой город, создать семью — и жизнь наконец станет такой, какой всегда хотелось. Начинаешь мысленно обживать это будущее, привыкать к нему, словно оно уже принадлежит тебе.

Я тоже так делала. Москва, отношения, новая жизнь — всё сложилось в моём воображении в единую картину, которая казалась вполне реальной. Но я ещё не знала, что красивые слова и уверенные обещания не всегда совпадают с действительностью.

Тогда мне было трудно принять эту разницу. Я потеряла не только мужчину, которому верила. Мне пришлось расстаться и с тем будущим, в котором я уже успела поселиться мысленно.

Отец был рядом, но не мог дать мне всей той поддержки, которая требовалась. Он сам прошёл через тяжёлые испытания и только начал восстанавливать собственную жизнь. Я не могла переложить на него все свои тревоги. Мама оставалась далеко — мы не общались, и мысль обратиться к ней за помощью казалась невозможной. У сестры были муж, дочь, собственная семья и привычный уклад. Её жизнь складывалась иначе, и мне порой казалось, что моим трудностям в ней просто нет места.

В тот период я старалась чаще бывать с сестрой. Возможно, мне особенно хотелось почувствовать, что, несмотря на разногласия и расстояние, мы всё ещё семья. Что между нами сохранилась связь, к которой можно обратиться, когда становится трудно.

И однажды сестра сказала мне слова, которые я запомнила на всю жизнь:

— Оля, рожай для себя. Возможно, это будет твой счастливый билет в будущем.

Я не знаю, что именно она вкладывала в эти слова. Может быть, просто хотела поддержать меня. Может быть, видела, как тяжело мне принять случившееся, и пыталась напомнить, что история на предательстве не заканчивается. Но тогда мне было важно услышать, что кто-то верит в меня и в возможность моего будущего.

В словах сестры не было обещания, что всё будет легко. Она не могла гарантировать мне ни финансового благополучия, ни счастливой семейной жизни, ни того, что я никогда больше не столкнусь с болью. Но её слова оставляли место для другого исхода — для жизни, которая не закончилась вместе с моими прежними планами.

Я решила рожать.

Это решение не избавило меня от страха и не сделало будущее понятным. Я по-прежнему не знала, как всё устрою, где найду силы, как совмещу работу и материнство. Но теперь передо мной был путь, который предстояло пройти шаг за шагом. И в этом пути уже было место для другого человека — моей дочери.

Беременность протекала тяжело. В то время я работала в турецкой строительной компании и продолжала обычную жизнь, насколько это было возможно. Работа, обязанности, повседневные дела помогали не зацикливаться на тревогах. Наверное, я по привычке пыталась справляться со всем сама, даже когда обстоятельства требовали особой осторожности.

На седьмом месяце беременности прямо на работе у меня началось сильное кровотечение. Это оказалось отслоением плаценты. Меня срочно доставили в больницу. Ситуация была опасной и для меня, и для ребёнка. Врачи рассматривали возможность немедленного кесарева сечения, потому что ждать было рискованно.

Я боялась. Очень.

В тот момент передо мной стояло решение, от которого зависело слишком многое. Несмотря на предупреждения, я подписала отказ от немедленной операции. Врачи объяснили, что при угрозе жизни мне или ребёнку им всё равно придётся действовать, не дожидаясь предполагаемого срока родов. Меня оставили в больнице на сохранение.

Началось ожидание.

Дни в больнице совсем не походили на ту жизнь, которую я представляла себе раньше. Не было грандиозных планов, разговоров о переезде, красивых картин будущего. Всё сузилось до самого главного: чтобы ребёнок выжил, чтобы я сама выдержала, чтобы у нас обеих появился шанс.

Я ждала и надеялась. Молилась — не знаю кому. В такие моменты перестаёшь искать правильные слова. Просто хочется верить, что случится то, о чём просишь всем сердцем.

Мне хотелось дождаться того дня, когда я смогу взять дочь на руки.

Будущее больше не было далёкой картиной, которую можно придумать и украсить подробностями. Оно стало очень конкретным и хрупким. Мне не нужно было, чтобы всё получилось идеально. Я хотела одного: чтобы ребёнок родился живым, чтобы мы обе справились.

К счастью, удалось дождаться срока родов. Вовремя прислушиваясь к врачам и находясь под наблюдением, я прошла через этот непростой период.

И наконец появилась моя Маша.

Моя девочка.

С её рождением жизнь не стала автоматически лёгкой, но в ней появилось нечто, не похожее ни на одну из моих прежних надежд. До этого я представляла счастье как будущую жизнь: любимый мужчина, общий дом, надёжность, семья, в которой все рядом. Теперь передо мной был маленький человек, которому предстояло расти, узнавать мир, учиться доверять и любить.

Маша не могла решить мои проблемы и не должна была становиться ответом на все мои вопросы. Она просто появилась в моей жизни — и с этого момента я стала её мамой.

Вместе с любовью пришла ответственность, совершенно новая по своему смыслу. Теперь многое зависело от моих решений, от того, как я смогу устроить нашу жизнь и какую опору сумею ей дать.

Мне было важно не столько то, что теперь я должна быть сильной, сколько то, что у меня появился человек, которого я буду любить и растить. Маша стала надеждой на будущее, но не потому, что обязана была сделать меня счастливой. Она была отдельной жизнью, которую я хотела беречь.

Так началась моя жизнь в роли матери-одиночки.

В те времена этот статус воспринимался почти как клеймо. Казалось, что к женщине без мужа прилагается целый набор чужих оценок, вопросов и предположений. Государственная доплата составляла всего двести рублей. Радовало хотя бы то, что на работе я могла официально уйти в декретный отпуск.

Впереди снова были непростые времена. Нужно было думать о деньгах, жилье, работе, будущем ребёнка. Не существовало волшебного решения, которое сразу устранило бы все трудности. Я уже знала, что значит начинать сначала, но теперь ответственность была иной: от моего выбора зависела не только я.

И всё же одиночество уже не было прежним. Нас стало двое — я и Маша.

Мне предстояло заботиться о ней, обеспечивать её, принимать решения и постепенно создавать для неё мир, в котором она могла бы чувствовать себя защищённой. Я не могла обещать, что всё будет идеально. Но могла стараться, учиться, искать возможности и не отказываться от будущего только потому, что оно оказалось не таким, как я планировала.

В языке йоруба есть слово *ìyá* — «мама». Для меня материнство стало не просто названием новой роли, а опытом, который каждый день учил меня заботиться о другом человеке, замечать его потребности, быть рядом, когда ему трудно. Но тогда я ещё почти не задумывалась о том, что матери тоже остаются людьми. Им бывает страшно, они устают, нуждаются в помощи и не всегда знают правильные ответы.

Мне нужно было двигаться дальше. Ради Маши, ради нашей жизни, ради будущего, которое ещё только предстояло создать.

Отец, несмотря на то что порой критиковал мои решения, не отвернулся от меня. Он поддерживал нас и очень полюбил внучку. Иногда мне даже казалось, что Машу он любит больше, чем меня. Возможно, с ней ему было легче проявлять нежность: рядом с маленьким ребёнком не нужно было обсуждать прошлое, объяснять ошибки или искать ответы на сложные вопросы. Можно было просто быть рядом, играть и радоваться её присутствию.

Он много времени проводил с внучкой. Маша любила сидеть у него на руках и танцевать вместе с ним под музыку. Она сама тянулась к музыкальному центру, нажимала кнопки, и они вдвоём погружались в свой маленький мир, где были музыка, танец и радость.

Наблюдая за ними, я видела, как много тепла может быть в отношениях между дедом и внучкой. Мой отец, с которым мы пережили столько тяжёлого, теперь мог просто радоваться ребёнку. Не нужно было спасать его или убеждать, что всё наладится. Можно было смотреть, как он держит Машу на руках, как она тянется к нему, как они смеются и понимают друг друга без слов.

И отец помог нам сделать следующий шаг к самостоятельности. Благодаря его участию мы смогли приобрести для меня и дочери первое отдельное жильё — небольшую комнату в малосемейке.

Это было скромное пространство, без особого размаха и без той красоты, о которой я когда-то мечтала. Но теперь у нас было своё место.

Для меня это означало гораздо больше, чем размер жилья или состояние ремонта. После детства, проведённого в чужих ожиданиях, после переездов с отцом, неопределённости и разочарований я получала возможность самой распоряжаться своей жизнью. Нас никто не должен был выселить из съёмной комнаты, не нужно было подстраиваться под чужие правила или постоянно думать о следующем адресе.

У нас появился собственный маленький мир.

Я ещё не знала, каким он станет, какие испытания нас ждут и сколько раз мне придётся пересматривать свои представления о счастье. Но теперь у меня была дочь, было жильё, была возможность постепенно выстраивать независимую жизнь.

В двадцать пять лет я впервые стала матерью. И вместе с этим начался новый этап моего взросления — не за одну ночь, как когда-то, а день за днём. Через заботу, решения, ошибки, надежды и маленькие победы, из которых постепенно складывается жизнь.

Моя мечта о семье не исчезла. Она просто перестала выглядеть так, как раньше. Теперь семья начиналась с меня и Маши.

Мне предстояло понять, как создать для нас дом, в котором будет место не только ответственности и стойкости, но и нежности, радости, взаимной поддержке. Дом, где не нужно заслуживать любовь и где можно быть собой.

Тогда я ещё не знала, что впереди меня ждёт новая история. Но впервые за долгое время будущее снова казалось открытым.

Глава 4. Габби.

В детстве я мечтала о собаке.

Не о той, что сидит на цепи во дворе и лает на прохожих. Не о той, что живёт в будке и ждёт, когда её покормят. Я мечтала о собаке, которая спит на моей кровати, встречает у двери после школы и смотрит на меня так, будто я — целый мир. О друге, который любит не за оценки, не за успехи и не за то, насколько я удобна. Просто потому, что я есть.

Мне хотелось близости, в которой не нужно заслуживать право быть собой. Наверное, поэтому животные всегда притягивали меня сильнее, чем многие ровесники.

С детьми моего возраста я сходилась непросто. Мне было интереснее общаться с ребятами постарше, слушать их разговоры, наблюдать за ними. А рядом с животными я чувствовала себя спокойно. Не нужно было подбирать слова, доказывать свою правоту или бояться насмешки. Можно было молчать, и молчание не становилось неловким.

У меня была старшая сестра, её друзья — ребята постарше, и мне всегда казалось, что со взрослыми интереснее. Они знали больше, иначе смотрели на мир. А животные и вовсе принимали тебя без объяснений. Тогда мне казалось, что они никогда не предадут. Я ещё не знала, что даже самая крепкая любовь не защищает от потери.

Родители не разрешали заводить собаку. Они понимали, что ребёнок не сможет полностью отвечать за животное: кормить, гулять, лечить, заботиться о нём каждый день. Наверное, надеялись, что со временем я сама откажусь от этой идеи, устану просить и переключусь на что-нибудь другое. Что мечта постепенно забудется, как забываются многие детские желания.

Но я не забывала.

В конце концов родители согласились, поставив условие: сначала я должна прочитать всю литературу о породах собак, дрессировке и правилах содержания. В библиотеке. Вероятно, они рассчитывали, что толстые книги без картинок охладят мой пыл быстрее любых запретов.

Они ошиблись.

Я читала всё, что могла найти: о породах и характере, питании и болезнях, воспитании и дрессировке. Узнавала, как распознать недомогание, чем помочь собаке и как не навредить ей по незнанию. Училась различать породы, оценивать экстерьер, разбираться в размерах животного, измерять высоту в холке и крестце. Знала, как кормить щенка, как учить его командам «сидеть» и «аппорт», как ухаживать за ним и что делать, если он заболеет.

Я относилась к этой подготовке серьёзно. Мне хотелось не просто получить собаку, а стать для неё хорошей хозяйкой. Я заранее училась заботиться о том, кого ещё даже не знала.

И я ждала.

Однажды отец приехал ко мне в пионерский лагерь, куда я каждое лето отправлялась по путёвкам с маминой работы, и привёз щенка. Это была шелти — собака, похожая на маленькую колли, чёрно-белая, крошечная и невероятно желанная.

Её звали Габби. Полное имя было Габриэла. Но очень скоро оно сократилось до ласкового, домашнего — Габби. Именно так я её и звала, именно такой она осталась в моей памяти: маленькой чёрно-белой собакой, которую я так долго ждала и полюбила всем сердцем.

Тогда я ещё не знала, что спустя годы это имя неожиданно вернётся в мою жизнь. Я не могла представить, что с ним окажется связана совсем другая история — история мужчины, которого я полюблю и с которым свяжу свою судьбу.

Наши семейные друзья узнали, как сильно я мечтаю о собаке, и помогли отцу найти щенка от незапланированной вязки. У матери щенка была родословная. Так, благодаря участию близких и решению отца, моя многолетняя мечта наконец стала реальностью.

Габби была совсем маленькой. Однажды она спрыгнула с бордюра и вывихнула лапку. Я тут же сама вправила её. В тот момент всё моё внимание было сосредоточено на щенке: я не растерялась, не запаниковала, а сделала то, чему училась по книгам.

Счастье переполняло меня. У меня появилась собака. Моя собственная. Та самая, о которой я столько читала, которую представляла рядом с собой, ради которой терпеливо выполняла родительское условие. Я наконец получила не просто питомца, а друга, которого так долго ждала.

Я была готова отдать ей всю свою любовь.

Габби стала центром моей жизни. Я воспитывала её, дрессировала, гуляла с ней по нескольку раз в день. Готовила ей супы и каши. В те годы, в лихие девяностые, мы и сами в основном питались простой едой — ни фаст фудов, ни колы. Но порой Габби доставалось лучше, чем нам. Я делилась с ней последним и не считала это жертвой. Мне хотелось, чтобы у неё было всё необходимое, чтобы она ни в чём не нуждалась.

Она была не просто собакой, которую нужно кормить и выгуливать. Она была частью моего мира — живой, преданной, всегда рядом. Она встречала меня, когда я возвращалась домой, и каждый раз её радость была настоящей. Ей не требовалось объяснять, почему у меня плохое настроение или почему я не хочу разговаривать. Она просто была со мной.

Я оформила ей паспорт, следила за прививками, ухаживала, когда она болела. Всё, чему училась по книгам, теперь имело смысл: знания превращались в конкретные действия, от которых зависело благополучие живого существа. Мне хотелось быть для Габби лучшей хозяйкой. Такой, чтобы ей было хорошо со мной, чтобы она чувствовала себя в безопасности и никогда не пожалела, что оказалась именно в моём доме.

Наверное, это было одно из самых радостных событий моего детства. Впервые у меня появился друг, о котором я мечтала годами, и я могла заботиться о нём так, как мне всегда хотелось заботиться о ком-то близком.

Тогда я не знала научных объяснений тому, что происходило, между нами. Не думала об окситоцине, снижении стресса или о том, как животные влияют на эмоциональное состояние человека. Мне не нужны были термины. Я просто любила Габби и заботилась о ней.

Но эта любовь действительно меня формировала. Рядом с ней я училась ответственности, терпению, вниманию к чужим потребностям. Училась быть рядом не только тогда, когда мне самой хотелось ласки или утешения, но и тогда, когда от меня зависело благополучие другого. Я ещё не знала, насколько важными окажутся эти навыки в будущем, когда в моей жизни появятся дети.

Нашей идиллии было отпущено всего два года.

Габби погибла в несчастном случае. Мне было шестнадцать.

Это произошло в день моего рождения. Родители взяли собаку с собой в гости, куда отправились, чтобы мы, подростки, могли отметить праздник без взрослых. Там был сын друзей семьи, который должен был присматривать за Габби. Но он не уследил за ней.

На улице собака проглотила магнитную ленту от кассеты — кто-то выбросил её, и она оказалась рядом с тем местом. Казалось бы, обыкновенная вещь, никому не нужный мусор. Но именно она стала причиной гибели моего друга.

До сих пор страшно думать, насколько случайным может оказаться то, что меняет жизнь навсегда. Иногда между обычным днём и трагедией нет никакого предупреждения. Всё происходит внезапно, и ты не успеваешь ни подготовиться, ни осознать, что это действительно случилось.

Габби умирала у меня на руках.

Ветеринар не мог её спасти. Операцию она, по его оценке, не пережила бы. Я держала её, говорила что-то, плакала. Сейчас я уже не помню, какие именно слова произносила. В памяти осталось другое: тепло её тела, собственное отчаяние и тишина, которая наступила после.

Это была не спокойная тишина. Она словно заполнила собой всё пространство. Мир продолжал существовать, но для меня в тот момент он остановился. Я слышала собственное сердце и не могла принять, что Габби больше не будет рядом. Что я не смогу вернуться домой и увидеть её. Не услышу знакомых звуков, не смогу погладить её, позвать по имени, прижать к себе.

Я потеряла не просто любимое животное. Вместе с Габби исчезла привычная часть моей жизни, та, в которой всегда было место безусловной привязанности. Мне пришлось столкнуться с тем, к чему невозможно подготовиться по книгам: можно всё делать правильно, беречь, любить, заботиться — и всё равно не суметь защитить близкого от смерти.

Я долго горевала. Это стало одним из тех событий, после которых детство словно отступает на шаг назад и уже не возвращается прежним. Вместе с Габби ушла часть моей беззаботности. Та, что позволяла верить: если любишь сильно и преданно, то любовь обязательно сохранит всё, что тебе дорого.

Я не просто скучала по ней. Мне было больно от самого факта, что её больше нет, что наша общая история оборвалась так внезапно. Я не могла смириться с тем, что друг, которого я ждала столько лет, прожил со мной всего два года.

После смерти Габби я решила, что больше никогда не заведу собаку.

Я слишком сильно привязываюсь. Для меня близость — не что-то поверхностное и легко заменяемое. Если я впускаю кого-то в свою жизнь, то привязываюсь всем сердцем. А отпускать того, кого любишь, мне всегда было тяжело. Тогда я решила, что лучше больше не рисковать. Если не привязываться снова, значит, не придётся переживать такую боль ещё раз.

Так я пыталась защитить себя от повторения потери.

На языке йоруба собака — ajá, а выражение ajá mi означает «моя собака». Габби была моей ajá mi — первой, долгожданной, настоящей.

Она научила меня безусловной любви. И вместе с этим — тому, что любовь не может гарантировать, будто расставания никогда не случится.

Я не была готова потерять её. В шестнадцать лет вообще трудно быть готовой к смерти того, кого любишь. Мне хотелось верить, что близкие останутся рядом, что жизнь хотя бы иногда будет справедливой, что хорошее не обязательно должно заканчиваться болью. Но Габби не стало, и мне пришлось учиться жить с этим фактом.

Я не сразу смогла отпустить её. Память о ней оставалась со мной — в привычке заботиться, в нежности к животным, в том, как сильно я привязывалась к тем, кого считала своими. Позже я замечала, что многие качества, которые проявлялись в моей любви к собаке, возвращались в отношениях с людьми: желание оберегать, быть рядом, помогать, отдавать больше, чем от меня просили.

Я не хочу приписывать Габби уроки, которых она не могла мне преподать сознательно. Она просто жила рядом со мной — доверяла мне, радовалась мне, нуждалась в моей заботе. Но именно через эту простую, ежедневную близость я впервые узнала, насколько глубокой может быть привязанность и как тяжело переживается её утрата.

Габби ушла, но не исчезла из моей жизни бесследно. Она осталась в моей памяти, в моей любви к собакам, в способности заботиться и в осторожности, которая появилась после её смерти. Я долго не решалась снова завести животное, потому что боялась повторения той боли. В этом решении было и желание сохранить себя, и страх снова открыть сердце тому, кого однажды можно потерять.

Она была моим первым другом, моей первой большой любовью к живому существу вне человеческих отношений и моей первой такой тяжёлой потерей.

Габби не обещала мне, что всегда будет рядом. Она просто была рядом, пока могла. И, наверное, в этом и заключалась самая важная часть нашей истории: любовь не даёт гарантий, не отменяет случайностей и не делает нас неуязвимыми. Но от этого она не становится менее настоящей.

Я не могла уберечь Габби от смерти. Зато могла любить её, пока она была со мной. И я любила. И даже после смерти она продолжала жить в моём сердце.

Два года — небольшой срок для человеческой памяти, но для меня они стали целой эпохой. В них уместились ожидание, радость, забота и боль, которую я ещё долго не умела ни объяснить, ни отпустить.

Моя Габби. Моя ajá mi.
Она навсегда осталась частью моего детства — и частью меня.

Глава 5. Институт

К моменту защиты диплома представители нескольких предприятий уже были готовы рассмотреть мою кандидатуру. В институте я была на хорошем счету, хотя без вольностей не обходилось: могла пропустить пару, оказаться в незнакомой компании, увлечься чем-то, не имевшим отношения к учёбе. Но образование всегда оставалось для меня важным. Мне нравилось учиться, узнавать новое, разбираться в том, чего раньше не понимала. Преподаватели ценили мою эрудицию и любознательность. За внешней непоседливостью скрывалась серьёзная сторона характера: если дело действительно увлекало, я могла погрузиться в него с головой.

Мой небольшой город в Татарстане жил вокруг одного градообразующего предприятия, объединявшего множество заводов: литейный, агрегатный, завод двигателей, автосборочный, центр запасных частей и другие производства. Политехнический институт готовил специалистов для этого промышленного гиганта. Я тоже была одним из тех кадров, которых учили работать в большой системе, понимать её устройство и приносить пользу.

Диплом давал мне не просто профессию. Он открывал возможность проверить себя в настоящем деле — там, где знания должны были превратиться в результат, а амбиции получить реальное воплощение. У меня было достаточно уверенности, чтобы не сомневаться в своих способностях, и достаточно желания, чтобы искать для себя место, на котором я смогу вырасти.

Сначала я выбрала завод малолитражных автомобилей — ЗМА. По сравнению с другими предприятиями системы он казался небольшим и относительно уютным. На литейном производстве было опасно и вредно, на конвейере автосборки постоянно гремело, пахло металлом и машинным маслом. Рабочие порой вынуждены были кричать друг другу в ухо, чтобы быть услышанными. Там ощущался совсем другой ритм жизни — тяжёлый, шумный, подчинённый производственному процессу.

ЗМА показался мне более подходящим вариантом. На тот момент хотелось начать трудовую жизнь в условиях, которые не казались бы слишком суровыми. Но довольно скоро выяснилось, что дело было не только в условиях труда. Примерно через три месяца я поняла: завод — не совсем то место, где мне хотелось бы остаться.

Мне нужна была работа с перспективой, возможность думать, принимать решения, проявлять инициативу. Не хотелось становиться лишь частью огромного механизма, пусть даже важного и необходимого. Внутри жило желание развиваться, общаться с людьми, видеть результат собственных усилий и чувствовать, что от меня действительно что-то зависит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.